

Его собственное отражение на фото улыбалось жуткой улыбкой.

Если точнее, абсолютно все на снимке улыбались неестественно и пугающе.

Здание приюта на заднем плане выглядело обветшалым; слово «Рай» на вывеске, должно быть, из-за старости и грязи накренилось и потемнело до бурого оттенка, напоминающего запекшуюся кровь.

Мама стояла в самом центре.

Цзян Яоцин впился взглядом в деталь за деталью и наконец у самого края кадра разглядел край белой одежды.

Снимок пожелтел от времени, но этот белый лоскут выбивался из общей картины так резко, будто его пририсовали сюда совсем недавно.

На обороте фотографии находился набросок его собственного портрета. Карандашные линии переплетались так хаотично, что неискушенный наблюдатель мог бы принять их за древний проклятый узор.

Убрав снимок, Цзян Яоцин продолжил досмотр прикроватной тумбочки. По логике вещей там больше ничего не должно было быть.

И все же в самом нижнем ящике, в дальнем углу, он нащупал небольшой будильник.

[Текущий прогресс: 35%]

Это был первый прибор для измерения времени, встреченный Цзян Яоцином в этом искупительном пространстве.

Секундная стрелка ритмично щелкала: «тик-так, тик-так».

Часы показывали три часа двадцать минут ночи.

Цзян Яоцин чувствовал, что с этим циферблатом что-то не так, но не мог сформулировать, что именно. Помятуя о том, что правила этого мира могут налагать ограничения на приборы времени, он вернул будильник на место.

Сдвинув матрас, он, как и ожидал, наткнулся на новую находку.

[Текущий прогресс: 45%]

Под системное оповещение Цзян Яоцин поднял найденные предметы.

Там лежал газетный лист, снимки и вырезка из бумаги, форма которой ничего ему не говорила.

Первым делом он осмотрел фотографию – обычный бытовой кадр.

На снимке он сам сидел в столовой, а перед ним стояла миска с внушительным куском мяса.

Вот только...

На фото он держал палочки в левой руке.

А Цзян Яоцин никогда не был левшой.

Он взгляделся в фигуры остальных детей и осознал: абсолютно все воспитанники ели левой рукой.

Откуда в приюте столько левшей?

Их отбирали специально?

На следующем снимке дети играли во дворе.

Он сам с радостной улыбкой держал водяной пистолет в левой руке, а щит – в правой.

Со стороны это могло показаться вполне обычным.

Но Цзян Яоцин отлично знал себя: он никогда бы не стал вести атаку непривычной рукой.

Из-за гиперчувствительности нервной системы он всегда атаковал исключительно правой, минимизируя риск получить травму.

И уж тем более он не любил выставлять эмоции напоказ.

Сложив это с записями в дневнике, Цзян Яоцин пришел к выводу: здешний «Цзян Яоцин» выглядел точь-в-точь как он сам, но обладал диаметрально противоположными привычками.

Будто его зеркальное отражение.

Едва эта мысль сформировалась в голове Цзян Яоцина, как раздался оглашающий звук системы:

[Текущий прогресс: 60%]

Угадал.

Вглядываясь в снимки, он окончательно убедился: этот «Цзян Яоцин», – его зеркальный двойник.

Странно. Ключевая механика этого низкоуровневого стрима казалась чересчур перегруженной.

Сперва всё сводилось к банальному выживанию в приюте, а теперь вылезли какие-то «зеркальные люди», и кто знает, что всплывет следом.

Цзян Яоцин сложил фотографии стопкой.

Впрочем, раз это стрим начального уровня, задание не должно быть непроходимым.

Он взял газетный лист. Газета оказалась старой, на одной из полос имелась заметка под заголовком «Достижения».

Текст гласил:

«Нововозведенный приют нашего города обрел официальное название!

Учреждение переименовано в Приют „Желание“. На данный момент приют введен в

эксплуатацию и принял первую партию воспитанников».

Ниже располагались смазанные черно-белые снимки.

И на одном из них Цзян Яоцин разглядел Сисли.

Сисли без бинтов стоял в углу и смотрел прямо в объектив с абсолютно безучастным лицом.

Казалось, сквозь газетную бумагу на Цзян Яоцина смотрит человек из далекого прошлого.

<http://bllate.org/book/18157/1742522>